

ЗАИМСТВОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ЛИНГВОКУЛЬТУР: АНГЛО-РУССКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Т. В. Максимова

В статье рассматриваются виды и типы смысловой адаптации англоязычных лексем русским языковым пространством. Процесс семантического абсорбирования англоязычных заимствований увязывается с социокультурными сдвигами в российской действительности и соответствующим проникновением в российское бытийное пространство концептов, закрепленных в англоязычной лингвокультуре.

Ключевые слова: семантическая адаптация, заимствования, англицизмы, этимон, концепт, лингвокультура

У статті розглянуто види і типи смислової адаптації англійських лексем російським мовним простором. Процес семантичного абсорбування англійських запозичень пов'язано з соціокультурним зрушенням у російській дійсності та відповідним проникненням у російський буттєвий простір концептів, що закріплені в англійській лінгвокультурі.

Ключові слова: семантична адаптація, запозичення, англицизми, етимон, концепт, лінгвокультура

The article highlights types and kinds of anglicisms' semantic adaptation within the Russian language continuum. The process of semantic absorption of English borrowings is linked to socio-cultural shift inside Russian reality as well as to simultaneous intrusion of English-based cultural concepts into Russian culture.

Key words: semantic adaptation, borrowings, anglicisms, ethimon, concept, linguaculture

*When a country adopts a language,
it adapts it.*

David Crystal

*Когда страна заимствует язык,
она его преобразует.*

Дэвид Кристал

На протяжении всего исторического развития языки сталкивались, взаимообогащались, в результате чего происходило заимствование слов, взаимодействие культур и обмен культурными ценностями.

В эпоху больших языковых контактов в современном мире никакой другой язык не оказывает такого мощного влияния на другие, как английский. Богатство и неповторимость внутренней формы английского языка, использование его в качестве языка международной / межкультурной коммуникации, его способность выразить любую идею или понятие, его приоритетность в выражении концептосферы человеческой деятельности, обусловленная авангардной ролью англоязычных стран (особенно США) как носителей научно-технического прогресса, подтверждают уникальный статус английского языка. Он нередко считается языком *lingua franca*, а фактически оказывается единственным источником пополнения словарного состава почти всех языков мира.

Средства массовой коммуникации и информации усиливают культурно-языковую конвергенцию: слова, обозначающие и отражающие политические, экономические, культурные и социальные потрясения, номинирующие новые технологии, научные открытия, обновления стиля жизни, спортивные события, культурные перекосы в виде поп-культуры, тенденции в моде и т.п., молниеносно абсорбируются другими языками. Таким образом, языковые контакты неизбежно приводят к совпадениям в лексическом составе языка. К формированию интернационального пласта лексики и к общности концептов. Русский язык, по нашим наблюдениям [1], не избежал участи других языков. Начиная с XVI столетия, можно выделить несколько этапов активного вхождения англицизмов в русский язык. Несмотря на то что английских заимствований значительно меньше, чем, например, в немецком [2], приток слов за последнее десятилетие значительно возрос. О динамике пополнения русского словаря англицизмами свидетельствуют данные новых лексикографических источников, регистрирующих новые иностранные слова. В исследовании Э.Ф. Володарской [3] отмечается стабильный рост доли английских заимствований в русском языке в течение всего XX века, причем варьирование количественных данных (от 2,57% до 25%) зависит не только от конкретного срока, но и от содержания анализируемого автором материала, от источников, отображающих все сферы человеческой деятельности. На тенденцию использования англицизмов как механизма пополнения словарного состава русского языка указывает факт появления специальных словарей англицизмов [4].

Существует мнение, что одной из универсальных причин заимствований является не только необходимость в обозначении новых артефактов, лиц, местностей, понятий, но и целый ряд лингвистических факторов. Наиболее важными из них, как полагает У. Вайнрайх, представляются низкая частотность употребления исконных терминов и стремление языка избавиться от омонимов. К этим

причинам мы бы добавили также потребность в приобретении синонимов для дифференциации близких по семантике слов.

Англицизмы последнего десятилетия оказываются в более благоприятных условиях для адаптации и закрепления в русском лексиконе, поскольку внутри последнего уже сформировался значительный пласт заимствованной английской лексики, образовавший культурно и социально значимое смысловое пространство, что, бесспорно, приводит к сближению культур.

Заимствованные слова представляют собой специфическую систему с точки зрения фонетического состава, структуры, смысловой нагрузки, поэтому их правильное использование вызывает затруднение на первых порах. Адаптация заимствованных слов проходит в несколько этапов – фонетический, графический, морфологический и лексико-семантический. Особый интерес исследователя вызывает, конечно, последний этап: *задачей* нашей статьи является описание признаков семантической адаптации англицизмов в современном русском языке, поскольку новый виток заимствований, как «лексический» продукт новой эпохи, требует тщательного изучения.

Семантическая адаптация – процесс длительный и сложный, связанный с передачей заимствованным словам свойств исконной лексики, проявляющийся в постепенном (стадиально-градуальном) установлении лексико-семантических, стилистических, деривационных, фразеологических и других связей в системе заимствующего языка. Эти связи подтверждаются новыми лексико-семантическими вариантами, которые возникают в семантической структуре заимствованного слова в результате приобретенной способности к смысловым сдвигам.

Представляется, что новейшие англицизмы находятся в несколько привилегированном положении по сравнению со своими предшественниками, в силу того что они появляются на уже освоенной территории лексико-семантической системы русского языка, который, в отличие от французского или болгарского, представляет собой более открытый для вторжения чужих лексем тип. В систему беспрестанно поступают англицизмы, которые легко распознаются носителями русского языка, знакомыми с англоязычной культурой: *кастинг, геймер, хайринг, райдер, тайминг, контроллер, браузер, баннер, трафик, тинбол*. Из приведенных примеров видно, что эти слова распределяются между существующими в языке тематико-семантическими полями, такими, как мода, спорт, компьютерная терминология и т.п., поэтому их адаптация происходит значительно быстрее.

Лингвистам известны процессы лексико-семантических изменений, происходящие при адаптации заимствованных слов. Отметим те из них, на которые указывает нам наличествующий сегодня обширный языковой материал.

При адаптации отмечается расширение значения английского этимона, которое объясняется рядом причин. Например, слово *хетт-трик* сначала было заимствовано в значении «три гола, забитых одним игроком за одну игру». Позднее русский язык позаимствовал другой ЛСВ – «ситуация, когда один спортсмен или одна команда занимает первое место в трех видах состязания». Примеров такого рода множество: испытывая прагматическую потребность в наименовании новых понятий, язык стремится «нагрузить» значениями те звуковые комплексы (формативы), которые уже им абсорбированы. Интересен в этой связи пример со словом *хепенинг*, которое впервые появилось в значении «род драматического представления», а недавно было ре-заимствовано основное значение этимона – «нечто случившееся, происшедшее».

Расширение семантического объема происходит за счет транстерминологизации разных значений. Показательно в этом отношении заимствование английского *dumping*: специализация двух его значений в процессе адаптации подтверждается не только разными ЛСВ несопадающих терминосистем, но и разным их произношением / написанием – *демпинг* (Экон.) = вывоз товаров по бросовым ценам и *дампинг* (Техн.) = технология захоронения отходов промышленного производства.

Наблюдается также расширение семантической структуры заимствований за счет изменения предметно-понятийной соотнесенности слова в связи с изменением обозначаемых реалий: *драйвер, сервер, рейтинг* и т.д.

Более продвинутый этап адаптации характеризует появление переносного значения у ряда англицизмов именно на русской почве. Приведем в качестве примера слово *шерп*. В английском языке оно является моносемантом и означает «представитель одного из народов, живущих в районе Гималаев и обладающих особым мастерством в преодолении горных маршрутов». Недавно у него появилось переносное специализированное значение – «(в дипломатии) специалист, готовящий почву для переговоров высших правительственных чиновников». Аналогичный процесс наблюдаем у *body*, который также является моносемантом в английском языке: русская семантическая система адаптировала *боди* только как «модное женское белье в виде облегających фигуру маленьких трусиков и лифчика», а благодаря процессу генерализации выделила более абстрактное значение «женское белье такого фасона».

Описание процесса адаптации будет неполным, если не упомянуть такое лингвистическое явление, как семантическое заимствование. Некоторые слова более раннего периода, пришедшие в английский и русский языки из латинского, греческого и французского, в недавнем прошлом расширили свою смысловую структуру сначала в английском, а потом именно эти новые значения появились в соответствующих русских словах. Так, новый ЛСВ слова *меню* означает «список опций, обычно высвечивающийся на экране компьютера и предлагающий набор команд и действий», а *пират* приобрело значение «человек,

посягающий на авторские права в области видео- и аудиопродукции или любой другой авторской продукции».

Процессу адаптации подвергается не только денотативный компонент значения, но и коннотативный. Как показал анализ фактического материала, корреляция новых компонентов значения не носит однозначного соотношения. Например, нейтральное в английском языке слово *sequel* – *сиквел* в русском языке приобрело отрицательную оценку «обычно неудачное продолжение кинофильма или книги», вероятно, под влиянием многосерийных телевизионных мыльных опер. С течением времени оно, как и его этимон, стало нейтральным. И, наоборот, слово *спич*, появившись в заимствующем языке с положительной коннотацией (спич = официальное краткое выступление), впоследствии изменило знак оценки с плюса на минус, чему свидетельством может служить его употребление А. Вознесенским в иронических стихах «Хакер – новый Казанова»: «*После спича козырного прыгнул с этажа шестого*» (Комсомольская правда, 24 марта 1993г.). Имеются также примеры того, как и этимон, и заимствованное слово сохраняют отрицательную коннотацию: *skinhead* – *скинхед* (скин). Однако в полной мере англицизмы реализуют свой богатый функционально-стилистический потенциал в коммуникативном пространстве языка-реципиента. Проиллюстрируем одним примером контекстное употребление нейтрального слова *айсберг*, которое, обладая в абстрактном значении отрицательной коннотацией, в соответствующем контексте приобрело терминологический характер: «*Год назад в капитанской рубке увидели впереди прямо по курсу айсберг, он же дефолт*». Эти два англицизма выступают в роли контекстуальных синонимов. Сочетания типа химический СПИД, деловой тандем, преступный айсберг, хит режиссера, жить на грани фола, бизнес в тандеме с туризмом и отдыхом и др. свидетельствуют о приобретении некоторыми новейшими англицизмами определенной степени семантической самостоятельности и склонности к смысловой адаптации.

Гибкость и подвижность лексической системы, поиск ею экономичных усилий в пополнении словарного состава языка, в том числе и дериватами, активизирует в заимствованных словах способность к расширению репертуара словообразовательных потенциалов. Как показало наше исследование, одним из продуктивных средств вторичной номинации является использование суффиксальных образований. Русский язык использует при суффиксации не только собственные ресурсы, но и успешно вовлекает в деривационный процесс английские морфемы. Самыми заметными из них можно считать 1) *-гейт* (англ.

-gate: *Watergate*, *Irangate*, *Dianagate*, *Dallasgate* etc.), который стал настолько понятен говорящим, что оказалось возможным образование окказионализмов типа *книжкингейт*, *ельцингейт*, *кучмагейт* и т.д.;

2) *-абель* (англ. *-able*), суффикс, вычленившийся из слов коммуникабельный, операбельный и легко вступивший в коллокацию с исконно русским корнями – *читабельный*, *смотрябельный* и т.п. Интересна также судьба суффикса *-ing*, который в русском языке зафиксирован в огромном количестве англицизмов. Носители русского языка абсолютно безошибочно определяют его наличие с точки зрения структуры, но единственно верный подход к нему – считать его псевдо- и квазисуффиксом. Делаются робкие попытки добавлять этот суффикс к русской основе: «*Лизинг, трейдинг, консалтинг, маркетинг, франчайзинг* – несуществующие формы ведения бизнеса в нашей стране. У нас все заменяет одна – *откатинг*» (Утро. – Изд-во «Комсомольская правда» и Института проблем МЭС», 1999. – № 9).

Ранее неизвестные русскому английские слова, образованные примыканием без соединительных гласных или согласных, сегодня находят у нас широкое распространение. Так, по модели N+V в русском языке закрепляются англицизмы *трейд-бизнес*, *крэш-тест*, *ню-вейв*, *секс-портал*, *фуд-корт*, *хай-класс* и многие другие. Другая яркая словообразовательная новация, отмеченная нами в результате длительных наблюдений за процессом заимствования [5] – активное заимствование инициальных сокращений. Оказалось, что из трех тысяч зафиксированных нами экономических терминов-сокращений 115 акронимов и аббревиаций было заимствовано русским языком (75 – чистые заимствования, 40 – кальки). Примеры первого типа: *NOPEC* (англ.) – *НОПЕК* (рус.), *PORTAL* – *ПОРТАЛ* и т.д.; калькированы аббревиации *EUA* (*European Unit of Account*) – *ЕРЕ* – (Европейская Расчетная Единица), *IRA* (*Individual Retirement Account*) – *ИРС* (Индивидуальный Расчетный Счет) и т.д. Следует обратить внимание на это нетрадиционное для экономической сферы явление: сокращения редко заимствуются и, кроме того, еще реже участвуют в словообразовательном процессе. На наш взгляд, их активность зависит от социально-экономических факторов. Для перехода российской экономики к рыночным отношениям все более увеличивающимся интеграционным процессам потребовались номинативные единицы новых типов, что автоматически повлекло за собой потоки большого количества лексических и словообразовательных иноресурсов.

Подводя *итоги*, отметим, что арсенал номинативной системы языка постоянно пополняется как за счет средств языка реципиента, так и за счет заимствований. Последние реализуют культурные и социальные запросы социума и функционируют в сферах, где выражение экспрессии играет не менее важную роль, чем обозначение фактов действительности.

Литература:

1. Maximova T. English in Russia // English in Europe: A Dictionary of European Anglicisms / Ed. by M. Görlach. – Oxford University Press, 2002. – Pp. 195-213.
2. English in Europe: A Dictionary of European Anglicisms / Ed. by M. Görlach. – Oxford University Press, 2002.

3. Володарская Э.Ф. Заимствование как отражение русско-английских контактов // Вопросы языкознания. – 2002. – № 4. – С. 13-37.
4. Максимова Т.В. Словарь англицизмов (50-е – 90-е годы XX века). – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1998. – 137с.
5. Максимова Т.В. Англо-русский словарь акронимов и аббревиаций экономических терминов. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002. – 181с.